

ГИДОН КРЕМЕР:

Мир нельзя узнать без музыки и тишины

Культура. — 2005. — 22-28 сент. — с. 16

Перечислять триумфы и победы Гидона КРЕМЕРА, увенчанного лаврами, премиями и регалиями всех видов и мастей, — дело неблагодарное: займет слишком много места на газетной полосе. Блестящая карьера Кремера — одного из самых самобытных музыкантов современности — необычным образом сочетается с довольно тихой жизнью, которой чужды частые интервью, броские афиши, громкие анонсы. Его скрипка звучала с выдающимися оркестрами, он играл музыку лучших композиторов мира в самых знаменитых концертных залах (хотя ни их размеры, ни исторический престиж никогда не определяли его желание играть). Кремер выпустил сотни альбомов, многие из которых сразу же становились раритетами, написал воспоминания. В 1997 году музыкант создал камерный оркестр "Kremerata Baltica" ("Кремерата Балтика"), построив название на звукоом пересечении собственного имени и понятия "камерата", то есть содружество, братство. Это содружество, а точнее, необыкновенный музыкальный "театр Гидона Кремера" (определение С.Волкова) уже попал в число избранных. Тех, кто поражает исполнительским артистизмом, необычными программами (в репертуаре, кроме известных классических произведений, музыка XX и XXI веков), украшает любой концерт и, конечно же, основанный Кремером фестиваль камерной музыки в тихом австрийском городке Локенхаузе. Концертные маршруты уже второй раз приводят музыкантов в Калининград, на Международный конкурс органистов имени Микаэла Таривердиева. После блистательного концерта, которым "Кремерата Балтика" открыла Четвертый органный конкурс, и состоялась наша встреча.

— Два года назад мы беседовали с вами здесь же, в Светлогорске, о вашем оркестре "Кремерата Балтика". Что принесли минувшие лета?

— Мы стали взрослее. "Кремерате" уже восемь с половиной лет. За эти годы утвердился состав коллектива, и в этом смысле изменений произошло очень мало. Крайне редко кто-то из музыкантов нас покидает. Это единичные явления. К сожалению, до сих пор не удалось найти спонсоров. Поэтому от концерта к концерту, от сезона к сезону перебиваемся только зарплатами от концертов. И если бы я не поддерживал существование этого проекта своими личными средствами, то он бы, наверное, заглох. Я не знаю ни одного оркестра мира, который обходился бы без спонсоров или без какой-либо поддержки банковских и государственных институтов. Цивилизованный мир давно уже понял, что оркестр может самоокупаться процентов на двадцать. Да, нам отчасти помогают три балтийских государства, но эта помощь весьма незначительна. Этих средств хватило бы на то, чтобы музыканты получали по сто долларов в месяц. Но нынче всем надо выжить и, к счастью, у нас есть концерты (мы очень зависим от гастролейной деятельности), нам еще сопутствует интерес со стороны зрителей. Поэтому мы живем.

— Период вашего сотрудничества по-прежнему ограничен пятью месяцами в год?

— Да, мы встречаемся в течение нескольких месяцев, в этом смысле наша жизнь тоже не изменилась, и у нас до сих пор нет ни постоянной репетиционной базы, ни своего дома. Так что наши выживание и успех — это чудо.

— А где же вы репетируете?

— Чаще всего в том городе мира, где намечается начало запланированного тура или в одном из городов Прибалтики. Ведь в оркестре по преимуществу работают музыканты из Латвии, Литвы, Эстонии. Хотя у нас есть постоянные музыканты из России и Украины, а бывало, что с нами работали гости из Чехословакии, Швейцарии.

— Вы действительно создавали камерный оркестр "Кремерата Балтика" себе в подарок?

— Мне исполнилось тогда 50 лет, и захотелось возродить, хотя бы немного, свое прибалтийское прошлое, вдохнуть его воздух, вернуться в юность, которую я провел в Риге. Правда, тогда я думал, что создаю ансамбль на одно лето, и даже не подозревал, что будет продолжение. Но ребята были так открыты друг другу, что мне, нас объединяли общие идеи. Я понимал, что мой требовательный выскочка для молодежи и знал, что подчас они невыполнимы, но в юных музыкантах жила такая готовность к сотрудничеству, что бросить их оказалось невозможно.

— Ваши музыканты невероятно красивы, складывается впечатление, что первоначально они про-

шли отборочный тур на конкурс красоты.

— Нет, конечно. Они были, да и остаются талантливыми профессионалами и увлеченными молодыми людьми. Тогда средний возраст был 22 года. В них не было рутинности и законсервированности. К счастью, нет и сейчас.

— Ваши молодые музыканты за глаза называют вас "папой", вы относитесь к ним как к ученикам?

— Мой учитель Давид Ойстрах говорил, что видит во мне не студента, а младшего коллегу. И я отношусь к ним так же. У нас в коллективе нет никакого диктата. Стараюсь им много позволить. Это важно для того, чтобы они развивались, но иногда приходится кого-то урезонивать, как делает это любящий "отец" по отношению к расшалившимся детям.

— На открытии органный Конкурса имени Таривердиева вы играли с ансамблем "Кремерата Музыка". Как возник этот коллектив?

— Как такового его не существует. Тот ансамбль, который выступал, — сборный состав солистов оркестра. Но в "Кремерате Балтике", правда, есть три уже сложившихся камерных ансамбля, не связанных со мной. Они начали свою самостоятельную жизнь. Это два квартета и "Кремерата Балтика секстет". Внутри большого коллектива они развивают свою собственную деятельность, ищут собственный профиль. Один квартет преимущественно латвийский, хотя в нем играет альтист Даниил Гришин. Во втором, "Кремерате" — ансамбль, переходящем из квартета в квинтет, основу составляют литовские музыканты. "Кремерата Балтика секстет" базируется в Таллине. Как и наш оркестр, этот коллектив балтийский, в его составе — музыканты латвийские, эстонские и литовские.

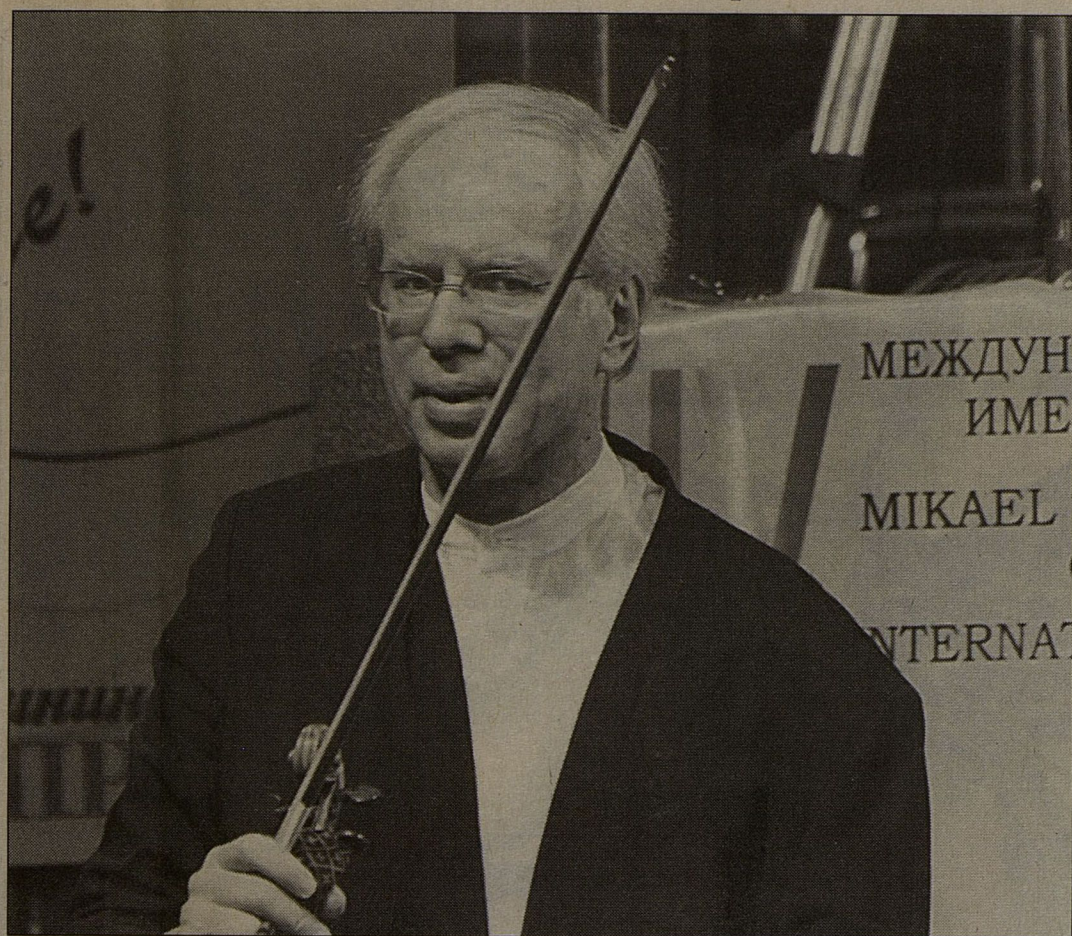
— Как формируется репертуар? На год или на сезон?

— Вы знаете, я как-то подсчитал, что за сезон играю более 20 сочинений в концертах с большими оркестрами, а с "Кремератой Балтикой" за сезон у нас накапливается 7–8 различных программ. Две-три из них связаны с каждым турне плюс камерный репертуар.

Я бы не сказал, что программы готовятся на сезон, они формируются на турне и то, что вы слышали на органном вечере, — это часть небольшого европейского турне, с которым мы улетаем в Мюнхен, потом в Австрию и Польшу. А далее почти без перерыва начинаются следующие гастроли "Кремераты Балтики" уже в полном составе.

— Много ли вам приходится учить новой музыки или играете то, что уже есть в исполнительском багаже?

— Очень много. Но премьер за год бывает от трех до пяти. Сейчас репетируем интересное сочинение российского композитора Леры Ауэрбах, которая живет в Америке. Используя материал "Stabat mater" Перголези, она написала произведение для скрипки, альты, струнных и вибрато-

Г.Кремер

на под названием "Диалоги со Stabat mater". Они совсем скоро прозвучат на музыкальных фестивалях в Бремене и Люцерне, а в октябре мы намерены привезти "Диалоги" и в Россию.

Всегда старался, чтобы в моем репертуаре, как и в репертуаре "Кремераты Балтики", было равновесие между классическими произведениями и современными. Современная музыка — часть жизни, которой живем мы все. Для нашего оркестра, как и для меня лично, создано немало новых сочинений, и среди них не только произведения для оркестра, но и для солистов с оркестром. В частности, "Русские сезоны" Леонида Десятникова, сочинения Александра Раскатова, Александра Вустина. Сейчас София Буйбидулина заканчивает новый опус для скрипки, двух ударников и "Кремераты Балтики", премьера намечена на следующий год. Для Канчели недавно порадовал новым сочинением "Затмение". Сначала оно существовало в варианте для двух скрипок, и его премьера состоялась на Моцартовском фестивале в Зальцбурге. Потом композитор его переписал для скрипки, альты и струнных — этот вариант мы недавно играли и с нашим ведущим альтистом Даниилом Гришиным, и с Юрием Башметом. Последнее исполнение состоялось на фестивале в Вербье. Александр Бахчи тоже создал для нас много всяких опусов.

Радуется и балтийские композиторы. Долгое время в нашем репертуаре был концерт для скрипки "Дальний свет" латвийского композитора Петериса Васка, играем и сочинение эстонского композитора Эрки-Свена Тюрра. Естественно — Арво Пярта. На Зальцбургском фестивале недавно исполнили его известную "Tabula rasa" — версию для скрипки и альты.

Литовские композиторы Видомунтас Бартолис и Освальдас Балаускас подарили целый ряд сочинений. Короче говоря, как вы видите из перечня авторов (я еще, наверное, кого-нибудь забыл), стараемся слушать современную музыку, в первую очередь, тем композиторами, которые до сих пор живут в России, Балтике и странах бывшего Советского Союза. Молодым музыкантам, которые исполняют современную музыку, дается возможность понять, как она создается, почувствовать ожидания композитора от первых исполнителей. Я всегда считал обязанностью идти, как раньше было принято говорить, в ногу со временем. На мой взгляд, одна из задач музыканта — играть сочинения живущих композиторов, то есть содействовать тому, чтобы в развитии музыки жила свежесть. Я перенял эти качества

Мастро и солисты "Кремераты Балтики"

у моих старших коллег, у выдающегося Давида Ойстраха, который тоже исполнял современных авторов, ставших нынче классиками. Поэтому мне приятно, что и я внес какую-то лепту в современную музыку. Хотя бы тем, что такие композиторы, как Альфред Шнитке, Арво Пярт, София Буйбидулина, уже стали современными классиками.

Однако сказать, что я вижу "Кремерату" коллективом, который интересуется исключительно современной музыкой, было бы неверно. Половину репертуара по-прежнему составляет классическая, романтическая и старинная барочная музыка.

— Вы известны своей "всеядностью" и интересом к самым разным музыкальным стилям...

— Музыка не может быть музеем восточных фигур — это искусство живое. Музыкантам нежелезо замыкать свой репертуар сочинениями ушедших классиков. Музыка, как и время, идет дальше, да и классика связана с настоящим временем. Мы исполняем живые программы и привлекаем публику к известной музыке, преломляя ее по-новому.

Ищем личности в музыке, которые выходят за рамки привычных стереотипов. К ним я причисляю и Астора Пьяццолли и не согласен с теми, кто считает его музыку примитивной и банальной, потому что в ней есть жизнь. Хочу, чтобы моих ребят тоже интересовали разные стили, чтобы им были свойственны спонтанность и увлеченность.

— В пропаганде современной музыки вы, скорее, исключение. Ведь сейчас большинство музыкантов делают себе имена на трактовке классики. Видите ли вы в этом вредную тенденцию?

— Это еще хорошо, если имена "делаются" за счет трактовки классики. Но классические произведения часто безжалостно используются,

потому что они популярны, а трактовка-то особым не предлагается. Музыканты же для того и существуют, чтобы "соединять" времена, "вскрывать" связи эпох, созвучия классической музыки и собственного мироощущения. Если не интерпретировать, то остается имитировать некие стандарты. Мне имитация не интересна. Для меня каждое исполнение — фиксация мгновения, когда звуки "произносятся", откуда-то появляются и куда-то уходят. Музыка — живой процесс, которому все мы можем быть свидетелями. Поэтому когда мне предлагают имитацию, пусть даже технически совершенную, или традиционную трактовку, то мне становится скучно.

— А есть ли сегодня еще проблемы, которые вас как музыканта волнуют?

— Безусловно, и их немало. В первую очередь, это касается того, как создаются нынче звезды, за счет чего они держатся на небосводе и как хлестко раскручивается имидж того или иного незначительного артиста. Массмедиа равнодушны к тому, что повествует настоящий артист, они озабочены тем, как его удачнее, выгоднее раскрутить. В Москве впадают в совершенно ужасающее состояние, когда со всех стендов на тебя смотрят и взглядами своими дают одни и те же лица, одни и те же имена. Это происходит не только в России, но и в западном мире. Жалко, потому что музыка может давать больше, чем просто имена музыкантов, которые из музыки не достают кристаллы, а переключаются руду не себе в угоду и выгоду. Мы стараемся служить музыке, поэтому сотрудничество "Кремераты" с композиторами является важной частью нашей работы, а я испытываю счастье, оттого что судьба свела меня с выдающимися авторами не только из России и стран бывшего Союза, о чем

уже говорил, но и Запада. Довелось играть Луиджи Ноно и Джона Адамса, Юджита Кахаша, Альберта Раймана и Карлхайнца Штокхаузена.

Хочется исполнять музыку живую, в которой есть какая-то знакомость, вложено какое-то сообщение, месседж, как сегодня говорят. И я думаю, что в период непростой жизни в Советском Союзе мы все "подпитывались" сочинениями наших выдающихся классиков, будь то Дмитрий Шостакович или Альфред Шнитке: в них эта знакомость всегда присутствовала, на нее мы и ориентировались. Сейчас тревожит и то, что ряд композиторов сочиняют для композиторов. Я такой музыки боюсь. У меня к музыке более наивное отношение. Хочется стагнации, глубины, а не хитросплетений.

— Вы назвали имена современных классиков, кому посчастливилось попасть под ваше крыло... Ну а как быть композиторам, у которых нет возможности достучаться до вас?

— Действительно чувствую себя виноватым, потому что, конечно, не успеваю ни просмотреть, ни охватить, ни исполнить сотни партитур, которые ко мне поступают. Но отбор происходит, и я совсем не ориентирован только на тех, у кого уже есть известность. Всегда старался быть полезен тем композиторам, которые были в оппозиции, считались одиозными и не имели известности. И сейчас порой мое внимание завоевывают сочинения тех, о ком я ранее не слышал. Например, прекрасный композитор венгерско-югославского происхождения Тикмайер, который написал для меня и "Кремераты Балтики" восемь гимнов "Памяти Андрея Тарковского", создал произведение для секстета "Кремераты". Наше творческое содружество зарождалось на фестивале камерной музыки в Локенхаузе. Так же, как и содружество с Лерой Ауэрбах, которая до последнего времени была совсем неизвестным человеком в музыкальном мире, хотя уже в 16 лет публиковала свою поэзию и прозу. Сейчас она как музыкант выходит на высокий рейтинг, и мы за нее рады, потому что она удивительно талантливым человеком не только как поэт и прозаик, но и как пианистка и композитор. Но начало нашего сотрудничества рождалось исключительно на вере в ее талант. Думаю, что и у других авторов есть такая возможность.

— Как вы отмечаете День музыки?

— Этот праздник проходит как-то мимо, потому что у меня каждый день — это день музыки. В начале октября, а День музыки приходится на первый день этого месяца, мы собираемся быть в России: сначала в Ханты-Мансийске, потом — в Санкт-Петербурге и Москве.

— Есть ли у вас за последний год какие-то яркие художественные впечатления от музыкальных событий, и как поживает ваш фестиваль в Локенхаузе?

— Это, знаете, как в анекдоте: चुका — не читатель, चुका — писатель. Много, быть может, проходит мимо, потому что слишком много времени уделяю собственной работе. А так, чтобы что-то услышать, чему-то удивиться... Это случается редко. Фестивалю уже 24 года, и "Кремерата Балтика" занимает в его программе все более значительное место. Фестиваль "прописан" в стороне от больших городов, слушатели едут в Локенхауз только ради музыки. Публику ничто не отвлекает от концертов, которые продолжаются по четыре-пять часов. Каждый фестиваль приносит какие-то сюрпризы. В этом году сюрприз состоял в том, что мы исполнили почти всю, во всяком случае, большую часть камерной музыки Мендельсона. Мы открыли для себя этого композитора, выяснили, что в его музыке таится много удивительного. Бывает, открываешь для себя то, о чем бы следовало знать давно.

— Какими внутренними событиями живете вы и оркестр?

— В нашей творческой жизни многое произошло за последние два года. Пару раз объездили вокруг земного шарика, записали несколько дисков. Для "Кремераты" важной работой стала запись последнего сольного квартета Шуберта в инструментовке бывшего ленинградца

Виктора Кисина. Диск скоро увидит свет. Это было не дублирование партий выдающегося сочинения, а совместная работа над инструментальной шедевром. Считаю это одной из важных музыкальных работ "Кремераты Балтики".

Отдали должное семидесятилетию моего друга Альфреда Шнитке. Исполнили все шесть "Кончерто grosso" в Москве, Чикаго, Вене, городах Японии, Бонне. Отметим — правда, заранее — столетие со дня рождения Дмитрия Шостаковича, сыграв целый ряд его сочинений, и в частности 14-ю симфонию, причем исполнили ее в Карнеги-холле, даже без дирижера. Нам повезло с певцами, в разных концертах принимали участие замечательные вокалисты Юлия Корпачева, Сергей Лейферкус, Анатолий Кочерга, Федор Кузнецов, Анатолий Сафрулин. В общем, появился опыт играть такую сложную музыку без дирижера, хотя с дирижерами нам тоже везло. "Кремератой" дирижировали такие звезды, как Саймон Рэттл, Кристоф Эшенбах, Юрий Темирканов, Кент Нагано, а недавно целое турне с оркестром провел Владимир Ашкенази.

Нынешним летом открыли для себя талантливого пианистку Като Сканави, у нас сложились отличные творческие отношения. Также появилась в репертуаре целая когорта скрипачей, с которыми был осуществлен проект всех концертов Моцарта. Это и Вадим Репин, и Томас Цетмайер, и молодая скрипачка из Англии, тоже уроженка России, Алина Ибрагимова. В следующем году собираюсь сыграть по случаю юбилея Моцарта все его концерты. Хочу исполнить их сам с "Кремератой", хотя Алину, наверное, привлеку, очень она нам нравится. В день рождения Моцарта мы с Юрием Башметом и Риккардо Мути в Венской филармонии исполнили известнейшую симфоническую мажорную концертную симфонию для скрипки и альты с оркестром.

— Сюда, в Светлогорск и Калининград, на Международный конкурс органистов имени Микаэла Таривердиева вы, похоже, приезжаете охотно?

— Люблю органныю музыку, нравятся этот конкурс, и приезду сюда для меня всегда — тот самый необходимый поток морского прибалтийского воздуха. В этот раз Калининграда мы почти не видели, потому что готовились к концерту, много репетировали в Светлогорске. Здесь, конечно, чудное место. Город хорош, природа остается такой же удивительной.

— А где сейчас вы живете?

— Я всю жизнь куда-то уезжал, постоянно скитался: покидал Москву, Ригу, Нью-Йорк, Цюрих, искал гавань. Есть, конечно, и ностальгия по тем домам, и желание испытать тепло домашнего очага. Но по-прежнему мой дом там, где я сижу, где тепло. Провожу вне дома не менее одиннадцати месяцев в году.

— А двенадцатый?

— Символически несколько недель живу в парижском доме. Так что мой нынешний дом, вроде, в Париже.

— Ваши первые профессиональные годы были связаны с Москвой? Любите приезжать в Россию?

— Хотел бы бывать в России чаще, хотя выступаю здесь ежегодно. И я, и музыканты "Кремераты Балтики" всегда счастливо встречались с российскими слушателями. Несмотря на все перемены, музыку в России по-прежнему любят, ценят и понимают. Знаю, что здесь меня ждут и мне доверяют. В российских залах чаще всего устанавливается необыкновенная, уникальная творческая тишина, которая необходима для ощущения единства мира. Это случается не всегда и не везде. К тому же мне хочется показать ребятам свое прошлое, попутешествовать с ними по российским провинциальным городам, которые объездили за гастролями во времена Советского Союза. Какая там искренняя, необлаванная публика! Но одного желания, конечно же, недостаточно.

Беседу вел

Елена ФЕДОРЕНКО

Фото Юлии АЛЕКСЕЕВОЙ и Людмилы ОСИПОВОЙ